

РЕШЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРОБЛЕМ ЖЕНЩИН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

XXI век с новой силой поставил проблему — определение места женщины в современном российском обществе, поскольку без ее разрешения невозможно дальнейшее развитие страны. От позиции женщин, их социального самочувствия, мировоззрения во многом зависит стабилизация политического положения в России. При этом на желание женщин работать, создавать семью, воспитывать детей огромное давление оказывают вопросы повседневности. Именно женщина — мать, жена — сталкивается с ними каждый день.

Надо сказать, что формы и методы решения многих современных «женских» проблем впервые опробовались и успешно претворялись в жизнь именно в годы Великой Отечественной войны (проблема занятости, жилищная проблема, адресная помощь, безнадзорные дети и др.). Важное место среди них занимали вопросы быта. Этот бесценный опыт может помочь претворить в жизнь Концепцию улучшения положения женщин в Российской Федерации, утвержденную Правительством Российской Федерации 8 января 1996 г. Она основывается на том, что «права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека. Полное и равноправное участие женщин в политической, экономической, социальной и культурной жизни на федеральном, региональном и международном уровнях должно стать главной целью государственной политики в области улучшения положения женщин в Российской Федерации» [21, с. 339].

Долгие годы историки практически не анализировали бытовые проблемы, т. к. не считали их важным фактором в создании у женщин настроения на работу, на победу. Другие придерживались мнения: «Война есть война», в ходе которой естественно бытовое состояние ухудшилось, поэтому не находили здесь проблемы для исследования. Главная причина такого подхода — не было доступа к соответствующим документам. Лишь с 90-х гг., когда появилась возможность изучить новый пласт архивных материалов, к социально-бытовым вопросам обращается все больше исследователей [2, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 23].

Однако в работах не акцентируется внимание на положении женщин. Но именно женщины в годы войны стали определяющей рабочей силой советского тыла. Кроме того, на них легла ответственность за жизнь детей и стариков, а следовательно, обрушились и многочисленные бытовые вопросы, возникшие в ходе войны. Малозначимые, на первый взгляд, проблемы: чем накормить себя, детей, стариков, во что одеть, обуть, как вылечить, вывести вшей, чесотку «преследовали» их каждый день. Именно от решения бытовых проблем во многом зависело их душевное и физическое состояние, желание женщин работать, выполнять общественные поручения, поддерживать близких на фронте.

Открывшийся доступ к новым документам позволяет увидеть более страшную картину жизни миллионов женщин, детей, стариков в военное время, что еще раз подтверждает, на какие жертвы и лишения шло мирное население, в частности женщины. Наряду с объективными причинами бедственного положения женщин (только за 1940—1942 гг. военные расходы возросли на 91,2 % [14, с. 122]) было немало и субъективных причин. Архивные материалы показывают, что местные руководители ряда регионов страны, ссылаясь на военные трудности, плохо решали бытовые вопросы. Например, 21 февраля 1942 г. инженеры проектно-конструкторского отдела Дзержинского завода № 96 Горьковской области в отчаянии писали в обком партии: «В столовой меню стандартное: первое — лапша или манный суп, где кроме воды только лапша или манка.

Второе — стакан чая без сахара, редко — манная каша без масла. Обслуживание столовой поставлено очень плохо: у вешалок длинная очередь и давка, чай подают в пивных стаканах (заметны следы пальцев и губ на стенках стакана от предыдущего человека). Посещать столовую можно только один раз в сутки». В конце письма инженеры справедливо заключают: «Объяснить это трудностями военного времени нельзя, т. к. есть другие столовые, где трехразовое питание и мясные блюда» [8].

В докладной записке комиссии по проверке Саратовского обкома партии, направленной в ЦК ВКП(б) в октябре 1942 г., подчеркивалось, что в решении социально-бытовых проблем «обком не проявляет никакой напористости в работе и начинает шевелиться только после телеграмм или звонка из ЦК ВКП(б)». В Кирове в ноябре 1942 г. из 43 магазинов и ларьков по продаже хлеба работали 5 магазинов и 2 ларька, т. к. в пекарнях не могли исправить электричество. В 1944 г. в Туле, Мариуполе, Тюмени, Архангельской и Молотовской областях даже выделенные суммы на ремонт жилого фонда и общественных заведений расходовались наполовину. Причин было много: не хватало строительных материалов, рабочей силы, а порой виной были элементарное разгильдяйство и недобросовестность руководителей и исполнителей. В Астрахани городские власти обращали недостаточное внимание на коммунальное хозяйство. В результате бани работали с большими перебоями, водопровод и канализация часто выходили из строя, в гостиницах было холодно и грязно. Некоторые улицы систематически затапливались водой и нечистотами. Дорожное, мостовое и паромное хозяйство находились в запустении.

Одной из самых сложных проблем, которую женщинам приходилось решать каждый день, стала проблема питания. С началом войны резко сократились рыночные фонды продовольствия, удельный вес колхозной торговли. Была введена карточная система, а цены на рынках возросли в 100 и более раз. Жительница Горького А. Г. Юмшанова в феврале 1942 г. писала мужу на фронт: «Я вот уже три месяца как стала ужасно отекать. Ноги опухли до колен, а первые дни отек достигал до живота, отеки очень сильные, была у профессора Степанова и Атебека. Они находят положение серьезным... признали “голодный отек” от недостатка питания... Лечение единственное — разнообразное улучшенное питание — молоко, яйца, овощи, мясо, но стоит это все баснословных денег — молоко — 20 рублей литр, яйца — 60 рублей десяток, мясо — 150 рублей кг, морковь — 20 рублей кг» [22]. В декабре 1942 г. на рынке в Молотове литр молока стоил 50—100 рублей, килограмм мяса — 160—250, сливочного масла — 1000—1200, картофеля — 25—40 рублей. В 1944 г. среднемесячная зарплата у рабочих союзной промышленности составила 573 рубля (в 1940 г. — 375 рублей), но килограмм говядины на рынках в среднем по СССР стоил 244 рубля, пшеничной муки — 162, пшеница — 199, литр молока — 52 рубля [18]. От безысходности трудящиеся стали употреблять продовольственные заменители, которые в мирное время были категорически запрещены санитарным законодательством: финнозное мясо, солодовое молоко, мясорастительная колбаса, сахарин, меласса.

Село, которое кормило фронт и город, как ни странно, оказалось в еще более плачевном положении. В 1942—1943 гг. в среднем на душу колхозного населения было выдано примерно 200 г зерна и 100 г картофеля, а продукция животноводства совсем перестала распределяться на трудодни. В отличие от горожан, сельские жители не имели централизованного карточного снабжения. В начале 1944 г. на одну крестьянскую семью приходилось 1,5 кг зерна в день или по 300—375 г в среднем на человека, что составляло иждивенческую норму выдачи по карточкам горожанину, 91 г мяса и сала в день на семью или 18—22 г на человека, яиц соответственно 0,3 шт. на семью или одно яйцо на 15 человек в день [1, с. 44—45, 82—83]. Сахара и конфет не видели вообще, но женщины «наловчились» делать «мармелад» из свеклы и тыквы.

Производство основных видов продуктов упало во время войны в несколько раз. Это можно видеть по приведенным ниже табл. № 1, 2 [15, с. 93,112].

Таблица 1

Валовой сбор основных сельскохозяйственных культур в СССР, млн т

Годы	1940	1943	1944	1945
Основные с.-х. культуры				
Все зерновые культуры	95,5	29,4	49,1	47,2
Картофель	75,9	34,9	54,9	58,1

Таблица 2

Производство продуктов животноводства в СССР, тыс. т

Годы	1940	1942	1943	1944	1945
Продукты животноводства					
Мясо (в убойном весе)	4695	1841	1767	1953	2559
Молоко	33640	15762	16391	22044	26428
Шерсть	161	125	100	103	111
Яйца, млн шт.	12214	4513	3469	3588	4883

Выявленные документы свидетельствуют, что часто причиной голода было бездарное и бездушное отношение местных властей. Недооценивало ситуацию на селе и высшее руководство. Считалось, что в деревне всегда можно найти что-нибудь поесть. Но всему есть предел. В ряде мест женщины и дети употребляли в пищу трупы домашних животных, кошек, собак, траву. Дело доходило до каннибализма. В июне 1944 г. Е. И. Баркина из Бор-Судского района Вологодской области писала: «...получим 300 г и то мы вместе съедим в одно воскресенье, а потом и голодуем. Да теперь и в кладовой нет ни грамма, а гороховину больше нет сил толчи. Вот теперь берет Люся с клевера головки, а Надя рубит лист от турнепса. Вот как и жить...» [9, с. 355]. От безысходности женщины порой совершали безумные поступки. Так, в деревне Калиновка Аксубаевского района Татарии 12-летняя Н. Максимова была уличена в семи мелких кражах продуктов. Потерпевшие — две многодетные жены фронтовиков водили ее по деревне с камнем на шее, затем подвели к реке, чтобы утопить, привязали к телеге и длительное время продержали на дожде, после чего посадили в погреб [5, с. 46].

Руководство страны больше внимания уделяло снабжению продовольствием рабочих и служащих. Ввиду скудости питания, занятости населения на производстве, отсутствия бытовых условий (дров, керосина и т. п.) для индивидуального приготовления пищи, как и в годы гражданской войны, возросла роль общественного питания. Число лиц, питавшихся в столовых, буфетах, ресторанах, фабриках-кухнях увеличилось с 10—11 млн человек в 1940 г. до 25 млн в 1944-м. А. Н. Молчанова, работавшая в годы войны в Вологде в райкоме партии, рассказывала автору, что работники райкома питались в обкомовской столовой по талонам. Меню было традиционным: на первое — «какая-то бурда, на второе — запеканка из пшеничной или другой крупы размером примерно 10 на 10 см, кусочек хлеба, чай»¹.

Однако была и другая сторона: возросли случаи краж и хищений в системе торговли, обвешивание, подделка карточек и т. п. В Постановлении Президиума ВЦСПС от 18 мая 1943 г. отмечалось, что «положение со снабжением рабочих и служащих текстильной промышленности находится в крайне неудовлетворительном

¹ Из беседы автора с А. Н. Молчановой.

состоянии. Выделяемые Правительством фонды продовольственных и промышленных товаров до рабочих полностью не доходят, а разворовываются и разбазариваются» (ГАРФ, д. 11, л. 43). Ни священная война, ни слезы голодных детей, ни отчаяние женщин, ни расстрел — ничто не могло остановить вора или мародера перед лицом соблазна что-нибудь «урвать». В частности, в 1942 г. в рабочих столовых шахт Кузбасса не редки были случаи обвешивания рабочих. На шахте «Центральная» за 3—4 дня разворовали 100 кг колбасы, 38 кг лапши и другие продукты. На шахте № 3-3бис в ноябре 1942 г. зав. столовой, кладовщик и бухгалтер отвезли домой 40 кг сливочного масла, ведро подсолнечного, 10 кг крупы. В Кирове в конце 1942 г. в рабочих столовых были вскрыты многочисленные факты обвешивания и воровства продуктов. В результате, например, на шубно-овчинном заводе кормили раз в сутки. Обеды плохого качества представляли собой обычно щи без жиров или мучной суп. В марте 1943 г. в Калининне была раскрыта преступная деятельность работников магазина № 16. Заведующая Ткачук, ее помощник Сорокина и продавец Авдеева похищали по несколько буханок хлеба ежедневно и сбывали их на базарах города по 100—150 рублей за штуку (ГАРФ, д. 11, л. 44; д. 20, л. 23).

Важную роль в улучшении питания рабочих сыграло создание отделов рабочего снабжения (ОРС) на предприятиях. Намного расширилась посевная площадь подсобных хозяйств. Были приняты постановления СНК СССР, секретариата ВЦСПС, создан специальный Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству рабочих и служащих во главе с секретарем ВЦСПС К. И. Николаевой. В пищу рекомендовали использовать самые разные продукты. Например, в Постановлении секретариата ВЦСПС от 12 мая 1943 г. отмечалось: «В целях пополнения пищевых ресурсов обязать ЦК профсоюзов и местные комитеты оказать всемерную помощь ОРСам в организации сбора дикорастущей зелени (одуванчиков, лебеды, кислицы, крапивы, подорожника, щавеля и др.)» (там же, д. 20, л. 7).

По всей стране развернулось индивидуальное огородничество. В городах часто под огороды перекапывали пустыри и газоны. Не всем горожанам удавалось получить хороший урожай. Многие не имели практического опыта, были плохо обеспечены семенами, инвентарем. В результате после кропотливого труда осенью большинство людей собирали фактически столько же, сколько посеяли весной. Так, работница московского завода имени 1-го августа П. В. Славина рассказывала в 1943 г.: «В прошлом году мой огород дал плохой урожай, потому что земля была неважная, и я ее не удобряла. Я еле-еле собрала то, что посадила... но все же в 1943 г. я очень хочу опять иметь огород, так как видела и хорошие урожаи и знаю, что огород — большое подспорье для питания семьи» (там же, д. 64, л. 66).

В целом по стране количество огородников возросло с 5 млн в 1942 г. до 18,6 млн в 1945 г. Потребление картофеля, овощей, бахчевых возросло с 77 кг на душу городского населения в 1942 г. до 177 кг в 1944 г. [4, с. 504]. Это несколько улучшило питание в голодные военные годы.

Другая сложная проблема, над которой женщины каждый день ломали голову: во что одеть и обуть себя и своих детей. Производство самых необходимых вещей сократилось в несколько раз. Например, централизованные рыночные фонды на производство хлопчатобумажных тканей сократились в 1945 г. по сравнению с 1940 г. в 5 раз; шерстяных — в 1,4 раза; чулочно-носочных изделий — в 7 раз; кожаной обуви — в 6,7 раз; резиновой — в 7,5 раз; керосина — в 7,4 раза [15, с. 190].

В годы войны люди ходили в старых залатанных валенках, обшитых резиной, в лаптях, появилась обувь на деревянной подошве. Многие колхозницы носили платья, сшитые из старой мешковины, поэтому не могли работать в колхозах в зимнее время. У отдельных колхозников детям дошкольного возраста совершенно не в чем было ходить. Имеющиеся старые, порванные или сломанные вещи невозможно было отремонтировать,

т. к. сфера бытового обслуживания, и так слабо развитая в мирное время, в годы войны фактически была сведена к нулю. К концу войны на весь огромный Красноярский край работало 184 мастерских по ремонту одежды, 370 — по ремонту обуви, 74 — металлоизделий, 6 — трикотажных изделий. За девять месяцев 1944 г. Читинская область недополучила промтоваров на сумму около 20 млн рублей. Из-за отсутствия одежды и обуви более 7 тыс. детей не смогли пойти 1 сентября в школу. В Ярославской области в 1944 г. было продано товаров на 42,7 млн рублей больше, чем в 1942 г., в том числе 300 тонн мыла, 574 тыс. трикотажных изделий и 500 тыс. пар обуви [19, с. 201, 209]. Однако и этого было недостаточно.

С 1943 г. началось самодеятельное или организованное плетение лаптей. В 1944 г. их было изготовлено более 737 тысяч пар только по линии потребкооперации СССР [2, с. 373]. На многих предприятиях из отходов производства пытались изготавливать предметы первой необходимости. Например, местная промышленность Автозаводского района Горького из отходов стеклолита и авиационной фанеры освоила производство расчесок, гребешков, пуговиц. На заводе ГАЗ делали желтый и черный гуталин, зубной порошок, спички, обувь на деревянной подошве, ведра, лейки, тазы. Артель «Коопремонт» Сормовского района стала производить резиновую обувь-чуни, детские санки, чугуны, женские жакеты; артель «Швейник» освоила производство одеял, матрацев, кашне, перчаток.

Эти меры в некоторой степени облегчали жизнь в военное время. Хотя основная масса женщин продолжала надеяться только на свои силы. Без конца перешивались старые вещи, возродилось домашнее ткачество, прядение шерсти, вязание теплых вещей. В изготовлении вещей женщинам давались советы на страницах центральных журналов «Работница» и «Крестьянка»: как сшить себе платье, приготовить приданое для новорожденного, связать свитер, сделать сандалии или простые туфли. Как говорится, спасибо и на этом.

В условиях войны на каждом шагу у женщины возникали непреодолимые преграды. Например, казалось бы, простая вещь — помыться, постирать белье или подстричься. Но в войну это сделать было очень сложно. С большим трудом шло выполнение Постановления СНК РСФСР от 4 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению обслуживания банями и прачечными населения и организаций в городах РСФСР». За первый квартал 1942 г. по 12 областям РСФСР было построено 529 бань упрощенного типа, т. е. рубленых и земляных. В основных же банях, которых к концу войны по республике насчитывалось 734, наблюдались частые перебои из-за отсутствия топлива, котлы были 30—40-летней давности, многие краны не работали, не хватало шаек, мыла и соды, а имевшиеся крохи были низкого качества. 2286 парикмахерских республики работали с перебоями из-за отсутствия материалов и моющих средств (ГАРФ, ф. 5456, оп. 26, д. 32, л. 1, 8, 27). В частности, в Горьком в середине войны сложилось «совершенно нетерпимое положение» с работой бань. 10 городских бань имели пропускную способность до 42 тыс. человек в сутки, что составляло лишь 9 % тех, кто ими пользовался. В результате жители города не могли мыться по 1—1,5 месяца. Для укомплектования бань требовалось 196 человек, но были приняты на работу лишь трое. Вместо 500 кг мыла в 1943 г. было выделено лишь 300, вместо 50 тыс. мочалок — 7 тыс. шт., вместо 1 тыс. шаек — 58 [10, с. 405].

В деревнях дело обстояло еще хуже. Учреждений бытового обслуживания не было и в помине. Мыла практически не видели. Мылись и стирали белье в «щелоче» (настояе древесной золы). Белье потом сильно били валиками на реке при полоскании. Гладили тоже деревянными валиками, сохранившимися от прадедов. Спички были редкостью, поэтому утром, чтобы разжечь печь, крестьянки бегали по селу, от избы к избе, за горящим угольком. Оставшиеся в деревнях мужчины-курильщики при закуривании высекали искру первобытным способом. Зубы чистили углем.

Остается совершенно неизученным вопрос: кто и в каких условиях работал в банях, прачечных и парикмахерских и других предприятиях материально-бытового обслуживания населения? А эта отрасль, как и многие другие, тоже стала «женской». В 1945 г. 84 % персонала составляли женщины, причем в основном преклонного возраста, больные, инвалиды, непригодные для мобилизации в армию, на предприятия и лесозаготовки (ГАРФ, ф. 5456, оп. 26, д. 32, л. 143). Часто прачечные не справлялись с планом из-за болезней или немощи их работников, т. к. стирали в основном вручную, белье трудно было простирать из-за заношенности и ветхости. Прачки в условиях острой нехватки кадров становились одновременно кочегарами, слесарями, добывали топливо, пилили дрова. Но женщины старались. Например, в блокадном Ленинграде уже в 1943 г. объем постиранного белья достиг довоенного уровня, а в 1944 г. его превзошли на 33 % — было постирано 2 тыс. тонн белья — и это при некачественном топливе и перебоях с транспортом (там же, д. 119, л. 145; д. 145, л. 11). Несмотря на все трудности, спецзадания ГКО по стирке обмундирования Красной Армии выполнялись качественно и в срок. Это особо отметил 7-й пленум ЦК Союза работников парикмахерских, бань и прачечных в 1945 г. (там же, д. 119, л. 54). Таким образом, в этом незаметном, на первый взгляд, труде также проявлялась неподдельная жертвенность женщин, стремление из последних сил помочь и тыловикам, и фронтовикам.

Итак, во время войны, как и в мирное время, вопросы быта были «обычными» проблемами женщин. А главное, что от них требовалось, — это многочасовая изнурительная работа в помощь фронту, которая складывалась из многих составных частей: непосредственный труд на заводе, фабрике, в поле, на ферме по 12—16 часов без выходных и отпусков, а также дополнительные работы по заготовке топлива, разгрузке вагонов, на строительных работах. Патриотки дежурили в госпиталях, сдавали кровь, а поздно вечером или ночью изготавливали подарки на фронт, вязали носки и варежки бойцам, стирали и ремонтировали обмундирование. Не было отдыха и покоя ни днем ни ночью... И если при этом имело место грубое отношение или непосильные требования со стороны руководства, не каждая могла это выдержать. В отчаянии женщины писали письма-жалобы на фронт. Вся переписка подвергалась цензуре. Цензоры, работники НКВД, изымали такие письма. С одной стороны, это было циничное заглядывание в личную жизнь людей, а с другой — необходимое избавление фронтовиков от негативной информации отчаявшихся родственников. М. Е. Ракитина из Колпашево Томской области, работавшая во время войны в военной цензуре НКВД, вспоминает: «Вычеркивали в письмах на фронт, что давит голод, словом, все, что говорит о плохой, тяжелой жизни» [17].

Однако подавляющее большинство женщин мирилось с трудностями военного времени, терпело все невзгоды, понимая, что такое бедственное состояние временно. «И вот что интересно, — вспоминает В. И. Архипова, в годы войны трудившаяся на трикотажной фабрике в Кургане, — на работе не ныли, не плакались на судьбу, может, потому, что видели: всем трудно. И норму выполняли на 150—200 %» [19, с. 259].

Создавая объективную картину военных будней, нельзя забывать и минуты радости, и даже счастья, которых все-таки не лишены были российские труженицы. М. В. Каплина вспоминает: «Но как бы ни было тяжело, молодость брала свое. Ходили в театр оперетты... С удовольствием бегали в город на танцы под духовой оркестр. Бывали на концертах... Вот так, после тяжелой, голодной работы мы отдыхали душой. Спокойно переносили все тяготы войны, не хныкали и не жаловались, делали все, что могли для победы над фашизмом» [19, с. 201, 209]. М. И. Колесова, всю войну прожившая в Ленинграде, рассказывала, что 29 марта 1942 г. во время бомбежки ее ранило в ногу. В 1943 г., еще хромя, Мария уже бегала на танцы и даже учила какого-то летчика танцевать. В ее доме собирались друзья и играли на гитаре, купленной в первый день блокады².

² Из беседы автора с М. И. Колесовой.

На основе вышеизложенного материала автор приходит к следующим выводам.

1. В условиях жесточайшей войны государство сумело выкроить средства на социально-культурные мероприятия. В итоге к концу войны эти суммы превысили довоенный уровень: в 1940 г. они составили 41 713 млн рублей, а в 1945 г. — 62 700 млн [20, с. 176]. Однако это не означало пропорционального роста благосостояния трудящихся, ибо деньги шли в основном на создание детских учреждений, пособия многодетным семьям, на выплату пенсий миллионам инвалидов и сирот, пособий семьям фронтовиков, на восстановление разрушенных социальных учреждений и т. д. В итоге средств все равно катастрофически не хватало.

2. Улучшение тяжелого положения тружениц во многом зависело от продуманной работы местных властей. Однако достаточно часто областные, районные руководители не понимали или не хотели понять, что без решения многочисленных проблем в социально-бытовой сфере невозможен производительный труд на помощь фронту. И все же, даже то небольшое, что удалось сделать для облегчения тяжелейших бытовых условий, поддержания здоровья спасало тысячи женщин и детей от страданий, нищеты, голода и гибели и вызывало ответную реакцию — стремление отдать все силы на борьбу с врагом, хотя, в конечном счете, главная цель этих мероприятий все-таки была политическая, а не гуманитарная.

3. В период Великой Отечественной войны положение в быту оставалось крайне тяжелым. Тем не менее женщины умели довольствоваться малым. «На долю моего поколения выпало много трудного, горького, и все-таки мы умели радоваться, — говорит М. П. Добровольская, работавшая на одном из сибирских заводов токарем. — Бывало, получишь военную пайку хлеба, умудришься сколько-то сэкономить, чтобы обменять на какую-нибудь брошку или еще какую безделушку — вот радости-то было!».

Более того, анализ психологического состояния женщин тыла приводит к заключению, что их основная масса, несмотря на невероятные трудности, находила силы не только все выдерживать, но и вселять оптимизм своим родным на фронте. Жена фронтовика, скромная стрелочница станции «Бакланово» Северной железной дороги Мария Сулова, мать 9 детей, провожая мужа и сына на фронт, наказывала мужу: «Ты забудь теперь думать о нас, беспокоиться, мы проживем, ты думай об одном — победить врага» (ГАРФ, ф. 7928, оп. 20, л. 69). Во имя Победы российские женщины мужественно переносили все трудности на работе, в быту, в семье. На первое место выступила жертвенность, т. е. осознанный отказ не только от своей выгоды, пользы, комфорта, но и от жизненно необходимого: тепла, еды, здоровья, жизни. Это поражало не только отечественных, но и зарубежных историков. В частности, Р. Овери подчеркивает: «Стоимость войны для России просто затмевает страдания других стран. Не может быть спора о том, что советское население перенесло такие страдания, которые просто не совместимы с потерями союзников СССР» [24]. Прав Н. А. Бердяев, утверждая, что война «пробуждает глубокое чувство народного национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду... изобличает ложь жизни, сбрасывает покровы, свергает фальшивые святыни. Она — великая проявительница» [3, с. 18].

Библиографический список

1. *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль, 1998.
2. *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма, 1941—1945. М., 2003.
3. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990.
4. Великая Отечественная война: Энцикл. М., 1985.
5. «Военный» голод // Родина. 1995. № 11.
6. Война в памяти народной (1941—1945): Кировская область в годы Великой Отечественной войны: Материалы и документы. Киров, 1995.

-
7. Горбулина И. В. Социальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны: (На материалах Сибири): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
 8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 31. Д. 64. Л. 9. Далее ссылки на этот архив даются в тексте статьи в круглых скобках.
 9. «Живем — не радуемся» // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7.
 10. Забвению не подлежит: страницы нижегородской истории (1941—1945): Документы, письма, воспоминания: Кн. третья. Н. Новгород, 1995.
 11. Зеленин И. Е. К вопросу о голоде сельскохозяйственных тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны: Историография и источники // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995.
 12. Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941—1945 гг. М., 2000.
 13. Зяблицева С. В. Социально-бытовая сфера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1995.
 14. Исупов В. А., Алексеев В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
 15. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Стат. сб. М., 1990.
 16. Палецких Н. П. Социальная политика Урала в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.
 17. Правда. 1989. 11 мая.
 18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 263.
 19. Священная война: Великая Отечественная война в памяти фронтовиков и тружеников тыла. Курган, 2000. Кн. 2.
 20. Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М., 1985.
 21. Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / Отв. ред. О. А. Воронина. М., 2000.
 22. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6217. Оп. 7. Д. 36. Л. 25.
 23. Шалак А. В. Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Иркутск, 1998.
 24. Overy R. Russia's War. London, 1998.